

9. Философский энциклопедический словарь / редкол. : С. С. Аверинцев [и др.] — 2-е изд. — М. : Сов. энциклопедия, 1989. — 815 с.
10. Худушин, Ф. С. Эстетический идеал / Ф. С. Худушин. — М. : Знание, 1985. — 64 с.
11. Шульга, М. О. Фольклор як элемент супільної свідомості / М. О. Шульга // Народна творчість та етнографія. — 1984. — № 6. — С. 3—14.

Иван Крук

кандидат филологических наук, доцент,
ректор Института культуры Беларуси
(г. Минск, Беларусь)

Універсалии числового кода в сказочном эпосе и обрядовой практике белорусов: типология этнокультурных стратегий

97

В системе традиционного мировоззрения кодовые структуры (их количество принципиально ограничено сферой обрядовой событийности: персонажный, акциональный, пространственно-временной, атрибутивный, астральный, дендрологический, зооморфный, предметный, вербальный, мелодический, числовой, цветовой коды) выполняют роль своеобразных несущих конструкций, которые не только удерживают макромир этнической социокультурной айкумены или мифопоэтическую модель мира, но зачастую, прибегая к определенной запараллеленности или взаимозамещению смыслообразующих функций, поддерживают гармонию существования, при этом постоянно смещая центр тяжести на один из опорных конструкторов. Исследование типологии запараллеленности (на самом деле соотношения между кодовыми структурами значительно сложнее и многообразнее — это может быть взаимозамещение, совмещение, одномоментность использования, взаимодополнение или взаимоисключение) поддерживающих функций

способно приблизить нас к глубинному пониманию фундаментальных основ философии обрядовой практики в целом и феноменологии стратегий моделирования структуры ритуально-обрядовых комплексов в частности. Если понять значение и роль каждого кода в отдельности, то, возможно, через систему их взаимоотношений и оперативную частотность соотнесенности можно будет понять и принципы моделирования парадигматики календарных или семейно-родовых комплексов, а также их квазипарадигматическую соотнесенность в структуре всего годового коловращения.

В зависимости от обрядовой ситуации смысловая доминанта может быть акцентирована на событийную компоненту либо на персонажный код, на фактор временной или пространственной детерминированности, маркеры количественных или качественных параметров, словесно-магическую или атрибутивную составляющую. В каждом конкретном случае чаще всего бывает так, что один код функционирования традиции дублируется или усиливается другим. Частотная характеристика поэтического мира сказочного эпоса указывает на то, что необходимость своеобразной межкодовой подстраховки возникает в условиях пороговости, обрядового перехода в координатах либо пространства, либо времени [1, 186; 2, 23; 4, 73, 174, 321, 340; 6, 215—243]. Например, преодоление порога в контексте свадебного обряда практически одновременно актуализирует несколько кодов. Дверной проем является пороговой пространственной зоной, связанной с миром предков [3, 699—700] (в этом случае речь идет о тесном слиянии пространственного и временного параметров), поэтому следовало исключить прямой контакт с ней молодоженов, которые находятся в переходном статусном состоянии и на пути следования из пространства одного локуса в обрядовое поле другого. После венчания они входили в дом для участия в семейно-родовом торжестве. Во избежание непредвиденных обстоятельств (например, споткнуться, наступив на подол платья) порог застилали кожухом хозяина дома, а жених брал невесту на руки и переносил ее над порогом [3, 677, 683].

В исследованиях белорусских этнографов и фольклористов конца XX — начала XXI ст. большое внимание уделялось изучению проблем временного структурирования традиционного народного календаря, структурно-семантическим аспектам календарных и в значительно меньшей степени семейно-родовых обрядов. Под влиянием опыта школы московских этнолингвистов развивается направление исследований атрибутивного кода ритуально-обрядовых комплексов. Однако до

настоящего времени практически вне поля исследований оставался числовой код, количественные показатели которого тесно увязываются с концептом времени в пространстве традиционной культуры восточнославянских народов.

Проблема изучения роли и места числовых носителей мифопоэтического наследия белорусского народа в целом и в обширнейшем сказочном эпосе в частности весьма актуальна и притягательна. Актуальна в том смысле, что числовые константы фактически удерживают гармонию поэтического мира, структурируют его по принципу бинарных оппозиций, среди которых наибольший интерес представляет фундаментальное противостояние **двойки** и **тройки**, которое получает новую окраску драматизации сказочного действия, поднимаясь на порядок выше и сталкивая между собой такие количественные показатели, как **двенадцать** и **тринадцать**. Не менее фундаментальным нам представляется и противостояние порядковых числительных **первый** (солнечная сторона мифопоэтической модели мира) и **второй** (за которым скрывается лунарная составляющая этой модели). Некоторые числовые константы принципиально не имеют своего символического оппозиционера, тем самым усложняют возможности их осмысления, потому что сами по какой-то причине стали показателем амбивалентного характера. Эта проблема притягательна тем, что подавляющее большинство количественных параметров, представленных в мифопоэтическом наследии белорусов, так или иначе проявляют себя и в контексте обрядовой практики этноса. Каждое из чисел заслуживает самостоятельного исследования, однако в данный момент в центре нашего внимания будут числа, которые широко представлены не только в сказочном эпосе белорусов, но и в контексте обрядовой практики. Они создают некоторую линейную последовательность (в ряду натуральных чисел эти последовательности могут иметь совершенно различную комбинаторику), которая в пространстве временного кода приобретает статус универсалии и, соответственно, влияет не только на характер развития событий в сказочном эпосе, но не в меньшей степени и на структурирование обрядов семейно-родовой направленности. Мы имеем ввиду ту стереотипизированную формулу, с которой начинается значительное количество восточнославянских волшебных сказок: «**В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...**».

Для того чтобы понять особенности локализации этого **хронотопа**, а это именно так: **тридевятое царство** — это **не только пространственный топос**, который имеет определенные этнокультурные,

геоландшафтныя або космоарыентаваныя каардынаты, але і сацыякультурны, рытуальна абаснаваны хронос, які мае дастаткова чётка пазіцыянуемую вектарнасць, якая аб'ектывіруецца ў цэлым радзе традыцыйных рытуалаў. У сказачным паведамленні момант адпраўлення старшага сына ў далёкі шлях абмежаваны стэраціпізаванай медыяльнай фармулай «Сора казка кажацца, ды не сора дзела дзелаецца» [5, 35], якая сустракаецца ў многіх казках і заўсёды перадыходзіць п'ярогавы момант: пераадоленню прастранства свайго сацыума і наступнаму выходу за яго межы. Далей пераадоляецца яшчэ адна фармула сказачнай абраднасці, якая, у сваю ачарядку, будзе маркіраваць пачатак знаходжання героя ў прастранстве свайго антаганіста: «Ішоў ён, ішоў ні доўга, ні мала, **дзень, два, тры**, паўгода, а можа і больш» [5, 35]. Зразу ж пасля гэтага п'ярогавое час узмацняецца каардынатамі п'ярогавога прастранства: «Падыходзіць к лесу — на ўкраіне яго стаіць хатка на курыных ножках» [5, 35]. Слэдуе зазначыць, што ў даным выпадку лічбавы код часовай дыстанцыраванасці або працяжнасці фактычна не з'яўляецца сапраўды колькасным маркерам самага часу. Скорей за ўсё мы маем справу з унікальным сінкретычным воплывеннем або нераслічаным сінтэзам прастранствавага працяжнасці, аб'ектывіраванай колькаснымі параметрамі часу.

Ізбушка «на курыных ножках» — гэта яшчэ адна п'ярогавая тэма, пераадоленне якой дае герою права знаходзіцца ў прастранстве потымсваго свету. Зазеркальце сустракае героя па-рознаму. С аднаго боку, ландшафт свету іншасвасці нічым асабным не адрозніваецца ад прыроднага акалявання пасвастороннага свету бытасвасці. Але што кацаецца гавяных персанажэй сказачнага зазеркальця, то яны прынцыпальна іншыя. У трохсвафернай мадэлі антывасва властвасвамі кожнай з свафер (мэднага, сярэбранага і залатога царства) аказваецца персанаж, для кожнага характэрна наянасць разнаго колькасва гавя. Змей Горыныч, Цуда-Юда, Паганы Смок, Юда-антывода і другія прадставасваі інсвафернальнага свету мелі, як правіла, тры, дзясва і дванадзясва гавя [5, 63—64, 99—101]. Правда, ў разначых варыянтах аднаго і таго ж казка лінейная пасвадваласваць можа варыравацца наступным абразом: 6—7—9 гавя [5, 42—45, 63]; 3—6—9 [5, 36—37]; 6—9—12 [5, 29]. (Сваітаем асаваобразным высказваць вясва прадварытальнае і далёка не абаснаванае фактамі сацыаднамакі фольклорных працава свуждзясва: варыатывнасць указанай лінейнасці савахраняе а) дынамачэскую разварнутоасць колькаснага увелычэння, б) налі-

чие некоторых устойчивых или наиболее представленных маркеров, наконец, в) нельзя упускать из вида и возможность «авторской корректировки» этих показателей.) При этом следует заметить весьма важное обстоятельство: в локусе медного царства Паганы Смок чаще всего имеет три головы, серебряного — он становится девятиголовым, наконец, в пространстве золотого царства персонаж-антагонист оказывается двенадцатиголовым. Сделаем еще одно необходимое уточнение: из трехсферного пространства сказочного зазеркалья обычно наибольшая вариативность связана с представителем среднего — серебряного — царства. Его хозяин имеет 6 или 9 голов.

Уже при первом приближении становится понятным, что эта последовательность потусторонних царств и их символическая материализация через призму количественных показателей целиком и полностью соотносятся с линейным вектором похоронно-поминальных обрядов. Достаточно вспомнить дни, в которые православные белорусы отмечают поминки, как мы тут же оказываемся в концептуальном поле все тех же количественных параметров. Самым прямым подтверждением нашей идеи типологического сходства структуры сказочного тридевятого царства и структурирования линейного вектора похоронно-поминальных обрядов является еще один регламентирующий фактор, который находится в плоскости обычного права славянских народов. Система ценностных ориентиров и предписаний мира духовных традиций славян принципиально разводит обрядовую культуру календарных и семейно-родовых празднований с этикетно-правовым полем похоронного и поминальных ритуалов. Эти два комплекса традиций, составляющих единый мир обрядового пространства, вместе с тем являются рядоположенными, запараллеленными, но принципиально не пересекающимися. Как только в доме умирает человек, его сакральное пространство тут же маркируется совершенно иными атрибутами. С этого дня и на протяжении полного календарного года семья исключается из цикла праздничных событий и переходит из пространства циклического хозяйственного (прежде всего, земледельческого) и праздничного времени на линейный вектор похоронно-поминальной обрядности. На этом векторе ключевыми позициями являются следующие маркеры числового кода: 3—9—40—1 год (или 12 месяцев). Только после того, как героем будет одержана победа над последним антагонистом, как правило, двенадцатиголовым, он получит право участвовать в семейно-родовом пиршестве — своей свадьбе. В данном случае прослеживается самая прямая взаимосвязь с похоронным обрядом, которым запрещалось

проведение каких-либо родовых торжеств в течение всего поминального года.

Мир числового сказочного кода имеет еще два количественных показателя, на которые следует обратить внимание. Если, на наш взгляд, комбинаторика чисел «тридевятого» царства не вызывает сомнений в своей непосредственной соотнесенности с начальным циклом белорусских поминовений, то встает вопрос о ритуально-обрядовой проекции «тридесятого государства». По-видимому, этот пространственный локус этнического миропредставления необходимо искать в линейном векторе поминовений белорусов католического вероисповедания. В этом случае становится понятной и ритмическая картина 3—6—9 (12), в которой превалирует число шесть. Именно в среде католиков-белорусов второй поминальный стол накрывают на шестой день после смерти и еще на тридцатый. Становится понятной семантика консолидированного образа «тридевятого царства, тридесятого государства».

В завершение следует высказать соображения относительно астрокосмической обусловленности линейного развития универсального ритма традиционной культуры белорусского народа. На наш взгляд, за этими количественными показателями скрывается не что иное, как ритмические циклы движения тех небесных светил, которые во всех отношениях предопределяли жизнедеятельность человека во все времена. «Тридевятое царство» — это цикл полного обращения Луны в течение ее четырех фаз, а произведение чисел следующего порядка в структуре универсального ритма ($9 \times 40 = 360$) указывает на солярную составляющую этого ритма.

Список использованных источников

1. Байбурын, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурын. — СПб. : Наука, 1993. — 240 с.
2. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп ; пер. с франц. — М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с.
3. Котович, О. Белорусская свадьба в пространстве традиционной культуры / О. Котович, Я. Крук. — Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. — 848 с.
4. Криничная, Н. А. Русская мифология : Мир образов фольклора / Н. А. Криничная. — М. : Академ. проект ; Гаудеамус, 2004. — 1008 с.
5. Чарадзейныя казкі / рэд. В. К. Бандарчык. — Ч. I. — Мінск : Навука і тэхніка, 1973. — 648 с.
6. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX — XX вв. / Т. Б. Щепанская. — М. : Индрик, 2003. — 528 с.